

УДК 94(47).047

**СОЦИАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.:
ПРАКТИКИ И СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

© 2017 г.

М.Т. Накишова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

m-nakishova@mail.ru

Поступила в редакцию 12.05.2017

Рассматривается проблема социальной самоидентификации служилых людей в раннемодерной России. Служилые люди, представляя собой комплекс различных, меняющихся во времени и в пространстве корпораций, в различных ситуациях проявляли различные идентичности. Их признание собственной самости различалось под влиянием определенных факторов: территории проживания и помещения, корпоративных представлений, чести и т.д. В результате анализа челобитных служилых людей автор выделяет основные маркеры самоидентификации и прослеживает закономерности их использования. Кроме того, особое внимание уделяется практикам, обеспечивавшим объединение людей в группы, а также способам, позволяющим выделиться из массы людей, показать свою индивидуальность.

Ключевые слова: служилые люди, социальная самоидентификация, идентификация, маркеры, самосознание.

В последние десятилетия историки все чаще обращаются к проблемам интеллектуальной истории, истории повседневности, социальной стратификации и идентификации, а также историко-антропологическим дискуссиям о человеке, его представлениям о себе, об обществе, о государстве и власти. Все это, несомненно, свидетельствует о новом векторе развития исторической науки – ее фокусировке на изучении и осмыслении различных аспектов истории человеческой личности, ее внутреннего мира, образа жизни. Постепенно приходит понимание необходимости создания работ подобной направленности, отхода от устаревших позитивистских и структуралистских подходов, ревизии давно известного эмпирического материала и теоретических установок. Правда, пока для многих историков «новая историческая наука» остается неосвоенным пространством, а работы, созданные в ее русле и основанные на российском материале, не стали массовым явлением современной отечественной историографии.

Интерес к понятию «личность» всегда имел место. Но если раньше под личностью понимались лишь люди выдающиеся, государственные и военные деятели, то теперь исследователи часто обращают внимание на «маленьких людей», бесконечных индивидуальных и групповых акторов, которых рассматривают как субъектов, чьи повседневные жизненные практики и установки способны формировать социальную реальность, оказывать обратное влияние на властные стратегии, общественные структуры и институты. Подвергается ревизии тезис, что

человек Средневековья и раннего Нового времени был подчинен исключительно коллективному сознанию, воле власти, которая заставляла людей действовать сообразно своим предпочтениям и принципам [1, с. 152]. Любой человек, напротив, корректировал свою собственную стратегию социального поведения в зависимости от реакции окружающих, индивидуальных предпочтений и чаяний [2, с. 6].

Действительно, исследуя источники, мы постоянно обнаруживаем примеры того, как человек пытается отстоять свою позицию, изменить свое положение в обществе, убедить окружающих в своем превосходстве над равными, а это невозможно без понимания самости, без хотя бы элементарных представлений о собственном «Я». Если такое поведение было свойственно средневековому человеку Запада, есть ли у нас достаточно оснований априори отказывать в подобных стремлениях или возможностях человеку раннемодерной России? Руководствуясь этой мыслью, обратимся к вопросу социальной самоидентификации служилых людей в России второй половины XVII в.

Стоит отметить, что материалы русского XVII в. значительно ограничены в плане выявления возможных источников при поиске проявлений индивидуальных или групповых самоидентификаций: нет богатой мемуарной литературы, большого количества художественных произведений, эпистолярного массива, которые бесспорно дают исследователям-русистам, интересующимся XVIII и XIX в., обширный материал для рассуждений. Немногие существующие

щие источники такого рода созданы представителями элиты и поэтому не могут объективно отразить более или менее полную картину действительности, ведь служилые люди были такими разными – от пушкаря до боярина.

Подобный дефицит приводит нас к делопроизводственным материалам, в частности челобитным. Исследователями давно подчеркивался богатый научный потенциал данного вида исторических источников. Как любой массовый источник, челобитные обладают достаточно четкой структурой и богатым содержанием, дают разнообразный материал для интерпретаций и позволяют использовать широкий арсенал методов исследования, в том числе количественных. Челобитные формируют представление не только о том, как человек сам себя ощущал, понимал свое место в той или иной социальной структуре, но и о том, как он хотел, чтобы его понимали и видели. Автор или авторы челобитных всегда были заинтересованы в скорейшем удовлетворении своих просьб, а для этого им было необходимо подчеркнуть в себе самое лучшее и значительное.

Конечно, использование челобитных имеет свои подводные камни. Например, мы не можем исключать или уменьшать роль приказных служащих, писавших челобитные по формуляру. У них действительно была возможность руководствоваться готовыми формулами, терминами законодательства, традицией, собственными представлениями о социальной иерархии и идентичности. Но историографические наблюдения подсказывают, что роль приказных канцеляристов не стоит преувеличивать, а влияние протокольных норм и делопроизводственных клише не искажает ни общей достоверности содержания челобитных, ни их тональности, ни индивидуальности их авторов [3, с. 191]. Так, например, А.Б. Каменский в своей монографии, посвященной повседневной жизни обывателей города Бежецка XVIII в., отмечает, что характер взаимоотношений между писцом и челобитчиком предполагал либо формализацию текста челобитной писцом без вмешательства в его содержание, либо опрос, уточняющий основную проблему [4, с. 44]. От себя стоит добавить, что приказный служащий сам являлся представителем служилого сословия и даже если и исправлял текст челобитчика, то делал это сообразно представлениям служилого человека о своей собственной социальной группе, а значит, едва ли принципиально корректировал те моменты первоначального рассказа, с помощью которых автор позиционировал свои статусные позиции.

Сообщая просьбу официальному лицу, челобитчик в зависимости от ситуации и сущности

прошения использовал различные вариации маркеров самоидентификации. Он мог представиться согласно должности, занимаемой на службе, как «семеновского полку солдат Петр Софонов» в извете на стрельца [5, л. 1], или согласно сословному статусу, как новгородские дворяне и дети боярские разных городов [6, л. 1]. Иногда челобитчики особо выделяли свое родовое происхождение, принадлежность к полку конкретного военачальника, биографические данные, сведения о материальном достатке, духовном состоянии. Конечно, чаще всего встречается упоминание географического положения службы (испомещения, проживания), которое соседствует с данными об этнической принадлежности. Так, «били челом государю нового государева землянского города» черкасский атаман Оска Докшеев до черкасский сотник Левка Перевенка» [7, с. 260]. Помимо этого, встречаются челобитные вообще без какой-либо социальной самоидентификации: проситель сообщал только свое имя и фамилию.

Использование различных сочетаний маркеров иногда выливалось в парадоксальные случаи. В 1661 г. бил челом Алексею Михайловичу отставленный мещанин Клишко Федоров сын Яковлев. Он сообщал, что «в прошлом во 168 г. после светлые недели... за мои многия службишка и за старость и за увечья от твоей службы я отставлен; и в нынешнем в 169 г., по твоему указу, прислана твоя грамота в Мещорск к воеводе к Матвею Ермолаевичу Бегичеву, а по той грамоте велено меня выслать из Мещоска к Москве в Розряд на срок апреля в 21 д. в нынешнем же во 169 г.; и по твоему указу и по грамоте, я в Москве в Розряде на тот срок стал» [7, с. 363]. Примечательно, что челобитчик подчеркивает свою «отставленность», находясь на службе, и называется мещанином, тем самым полностью отрицая свою принадлежность к категории служилых людей.

Привлекают внимание идентификации, используемые женщинами, которые, как правило, называли себя по мужу, принимая на себя его социальный статус. Иногда, после смерти мужа, вдовы связывали свой статус со статусом сына. Например, вспоминая и о сыне, и о муже в 1661 г. просила о защите «бедная и беспомощная вдова донковца сына боярского Дунка Павловская жена Ряховского» [7, с. 442].

Кроме того, мы иногда встречаем челобитные, коллективным автором которых выступали, по всей видимости, носители совершенно разных идентичностей. Среди столбцов Московского стола сохранилась заручная челобитная о перемене со службы «разных дальних Низовых городов казанцев, алаторцев, свияжан,

атемарцев, курмышен, рословцев, дворян и детей боярских и иноземцев, арзамасских и алаторских и свияжских мурз и татар, что были в полку у окольного и воеводы у князя Петра Алексеевича Долгорукова» [7, с. 274]. Удивительно, как столь отличные друг от друга люди вообще могли иметь общие интересы и собрались для написания челобитной. Пожалуй, для этого существовали определенные причины, которые обеспечивали хотя и временное, но объединение. Они заслуживают отдельного изучения.

Важным связующим элементом был пространственный фактор. Американская исследовательница Валери Кивельсон, обращаясь к картографии в России XVII в., отмечает, что огромная территория Московского государства требовала обязательного закрепления человека за определенной территорией и его идентификации с ней [8, с. 24]. Именно на основе пространственной принадлежности определялись все аспекты жизни московских подданных: их экономическое благосостояние, социальная защита и личностное признание. Покидая привычную местность, они становились пространственными маргиналами: переставали быть «своими» для прежних соседей и продолжали оставаться «чужими» для новых. Поэтому географическая привязка выступала тем немногим, что объединяло совершенно разные социальные группы, имевшие различные права, привилегии, нужды, интересы и чаяния. Так, в 1663 г. били челом царю Алексею Михайловичу «богомольцы твои Невеля города попы и дьяконы и холопы твои, невельская шляхта, и козаки, и стрельцы, четыреста человек, пятидесятники и десятники и все рядовые стрельцы, и пушкари и воротники и разсылщики, 40 человек, и невляне посацкие людишки, 120 человек, и твои Невельских дворцовых сел и всяких чинов людишка, старостишка и целовальничка и все крестьянишка» [9, с. 530]. Здесь мы видим все существующие в то время сословные группы – духовенство, служилых людей, посадских и крестьян – и все они объединены исключительно принадлежностью к городу Невелю.

Кроме того, географическая привязка имела особое значение для тех случаев, когда регион службы обуславливал трудность ее прохождения. Она выступала дополнительным аргументом к тому, чтобы просьба была удовлетворена в пользу челобитчика. В 1662 г. «сургутского беспашенного городу» голова стрелецкий и казачий Михаил Петров сын Селин, атаман казачий Федор Елизаров, десятники и рядовые казаки писали: «пожалуйте нас холопей своих, не велите, государи, нас на Елогу реку на заставу

посылать, велите нас холопей своих от Елогуской заставы отставить, чтоб нам, холопам вашим, живучи на Елогу реке на заставе с великие нужи и в конец не погибнуть, и голодную смертью не помереть, и впредь от ваших великих государей службы не отбыть» [10, л. 428]. Мы видим, что для челобитчиков именно пространственная принадлежность службы выступала важной отличительной чертой, выделявшей их из многочисленного служилого населения.

Вторая практика также тесно связана с пространством. Она объединяла в локальные корпорации людей, как правило находящихся на одной территории и имевших близкий социальный статус, общность биографии и материального положения. Такие группы самими челобитчиками именовались «братией».

Согласно Словарю русского языка XI–XVII вв., «братом» мог называться родственник (родной или названный); монах, живущий в обители; ближний по отношению к другому (в философском смысле) и любой человек, равный в каком-либо отношении (того же социального положения, рода занятий и т.д.). Таким образом, «братия» представляла собой группу людей, обладающую относительными близостью и равенством. Причем эти две характеристики носили скорее символический характер, представляя собой идеал человеческих отношений, характерный для каждого конкретного случая.

В делопроизводственных материалах «наша братия» выполняет важную маркирующую функцию. Она обозначает ту группу, к которой человек себя причисляет и с которой сравнивает свое социальное положение. В 1649 г. мещеряне дворяне и дети боярские всем городом сообщали: «А которые наша братья замосковных и украинских розных городов были на твоих государевых службах в Белгороде и в Карпове сторожевые, и на Ельце, и на Осколе, и на Цареве городе и в Симбирском, а делали земляное дело с двадцати пяти дворов по сажени, и тем нашей братья прибавлено окладу и денег; а нам и крестьянишком нашим досталось земляного дела в те годы на всякой двор по десяти сажени и больше, а нам за те службы, и за земляное и валовое дело и за всякия степныя крепости твоего жалованья, поместного окладу и денег не прибавлено» [9, с. 435]. Мы видим, что часть братии – представители замосковных и украинских розных городов – противопоставляется самим челобитчикам тем, что только она отмечена милостью государя. Отсюда и просьба, содержащаяся в челобитной, нацелена на установление справедливости, равенства внутри братии, «чтоб перед своею братьею в позоре не быть».

Идентификация, заключенная или подразумеваемая в формуле «наша братия», выражалась с помощью тех же маркеров социальной самоидентификации и, чаще всего, соответствовала тому, как человек себя определял как отдельно взятую личность. Но встречаются случаи, когда для себя он использовал один маркер, а для «братии» – другой. Так, в 1660 г. бил челом государю Петр Скуратов о справе за ним придачи, поместной и денежной, за литовские походы. Скуратов сообщал, что «которые моя братья, стольники, приехали на твою службу в другой поход в Вязьму на указанный срок, и которые из другого походу были за тобой до Москвы, и тем придано по 100 четвертей, денег по 12 руб., да им же учинено сверх того за литовские за оба походы по 150 четвертей, денег по 12 руб. А мне только придача учинено за один за первой поход вполы, 75 четвертей, денег 6 руб., да что был я за тобою от Могилевы до Москвы – 50 четвертей, денег 5 руб., а за другой литовский поход – 75 четвертей, денег 6 руб. – и за приезд мне придачи не учинено, для того, что я на указанной срок не приехал, потому что в то время был в посылке для твоего дела» [9, с. 97]. Довольно известный в правящих кругах Скуратов мог себе позволить сначала указать только свое имя, а затем уточнить «братию» – стольников. Он отдельно подчеркивал ту группу лиц, с которой себя сравнивал и по отношению к которой оказался обделен, ущемлен, обижен милостью.

Совсем в иной ситуации оказался Аптекарского приказа лекарь Ортюшка Назарьев. Выехав на имя государя, он поступил лекарем в Аптекарский приказ и получил небольшое жалование. Находясь на государственной службе, он не имел возможности прокормить всех своих родственников и жаловался, что «нашей братье, иноземцом, всем твоя милость, жалованье и корм им дают; а отцу моему и матери и племянником моим корму нет» [9, с. 480]. Ему как раз выгодно в первую очередь подчеркнуть свою должность, принадлежность к государственной службе, которая выступает главным его аргументом для удовлетворения его прошения, а уже потом сравнить состояние своей семьи с равными ему иноземцами.

Еще одна практика – отсылка к коллективной «чести» – не только объединяла людей в отдельные социальные группы, но и создавала иерархию внутри этих групп. Фактически, каждый элемент общества и государственной системы был включен в практику чести. «Читая Уложение 1649 г. о компенсации за бесчестье – рассуждает Н.Ш. Коллманн, – как будто читаешь описание современной ему социальной структу-

ры общества. Включены многие новые чины служилых людей и приказных, иерархия купеческих чинов, тяглое население города и деревни (крестьяне к этому времени уже были закрепощены) и даже «гулящие люди» [11, с. 92–93].

Честь на символическом языке обозначала социальный статус служилого человека (группы, к которой он принадлежал), определяла его идентичность и место в сообществе. Так, царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу били челом «Парфена Дементьев сын, Семен Семенов сын со всеми своими родственниками, с братией и с племянниками, все родом Писаревы». Они писали: «В прошлых, государи, годех прогневал Бога и вас, великих государей, родственник наш плутишка Савка Гарасимов сын Писарев по научению и по наговору Прохорки Кропотова, и за ту вину из Курска освобожден. А ныне он, Савка, пьет и бражничает безпрестанно и напился пьян... а поместья и вотчины выслуженные родственные продает и закладывает, напился пьян, плурует и озорничает на дороге. Милостивые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцы, пожалуйте нас, холопов своих, велите, государи, ево, Савку, смирить за ево пьянство и озарничество и сослать поначалу куда вы, великие государи, укажете и велите, государи, челобитье наше записать, чтоб нам, холопам вашим, в ево пьянстве и озарничестве от вас, великих государей, в опале и в безчестье не быть» [12, л. 323–323 об.].

Кроме того, именно честь объединяла служилых людей в «братию». В челобитной тулян, каширян, торушан и серпуховичей рейтарского строя находим: «А как нас в рейтарскую службу писали, а про белгородскую службу в сказке ничего нам не сказано, чтобы отнять у нас поместного оклада по пятидесяти четьи; а если бы мы то ведали, что отнять по пятидесяти четьи, и мы в рейтарскую службу не писались, а перед своею братьею в таком позоре не были» [9, с. 272]. В этом случае претензии рейтар понятны: они не отмечены милостью государя в отличие от своей братии, а это уже задевает их честь, унижает по отношению к социально равным. Исходя из этого, отношения чести регулировали и закрепляли границы общественных сообществ, они помогали человеку отделять своих от чужих, решать конфликтные ситуации и бороться за удовлетворение чаяний.

Теперь стоит задаться вопросом, существовали ли практики, не объединяющие людей в социальную группу, а, наоборот, позволяющие вырваться из нее, выделиться по сравнению с другими членами, изменить собственную судь-

бу и социальный статус. Одна из таких практик существует по сей день и известна даже простым обывателям благодаря богатому литературному, художественному, музыкальному и кинематографическому наследию. Это феномен самозванчества.

Самозванчество неизменно было связано с сакрализацией царя, с представлениями народа о том, что правитель есть посланник Бога на земле, некий идеал, высшая ценность и высшая ступень в общественной иерархии. В этом плане любая претензия на статус царя оказывалась крайне авантюрна и преступна. Но она может быть охарактеризована и как экстравагантная попытка обретения собственного «Я» (осознанно или под влиянием различных внешних факторов), стремление радикально изменить свой статус, совершить самовольно некую перемену мест, перемену устоявшихся веками социальных ролей.

Как попытка вырваться из социальной действительности выглядят так называемые «непристойные речи». Согласно Е.В. Анисимову, под преступлением об оскорблении монарха понималось всякое преступное действие против жизни и здоровья государя, государыни, наследников престола, высших представителей государственного аппарата, фаворитов, словесное оскорбление государя, всякое осуждение и обсуждение его действий, символические непристойные движения, шутки, сказки, легенды и даже мысли, в которых можно угадать оскорбительный для чести государя смысл [13, с. 54]. Так, в 1648 г. в сентябре Ивашко Ченовицкой (отставленный кормовой иноземец), выпивая в кабаке, сказал: «дай пить вина, я де государь» [14, с. 570]. А в январе 1646 г. в Мещевске беломестный казак станицы Богдана Попова Сенька Сергеев сын Поплутаев извещал на козловского сына боярского Афанасия Степанова сына Шепелева, что тот, положив на стол ногу говорил: «у меня де нога лучше государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа России» [14, с. 137].

В XVII в. для народа царь был своеобразным «земным богом», представлявшим собой важнейшую сакральную ценность [15, с. 141]. Поэтому, перенося на себя его характеристики, люди, как им казалось, становились особенными, близкими к всеобщему авторитету, социально важными и защищенными. Они таким образом стремились выделиться из коллектива, наделять себя какими-то значительными качествами или функциями, подчеркнуть свое особое положение, преимущества перед «братией». Конечно, при этом не стоит забывать, что многие «непристойные речи» произносились в состоянии алкогольного опьянения, и, следова-

тельно, мы не можем полностью полагаться на их социально-маркирующее значение.

Сын боярский Микита Аохтионов извещал, что в Ливнах в ноябре 1693 г. произошел такой диалог. Ливенец Ефрем Черников сказал Ермолу Меркулову: «Ты де мой брат». На что Ермол ответил: «Я де тебе не брат, а де царем брат» [14, с. 141]. Вполне понятно, что Меркулов ни в коем случае не собирался созывать армию и идти на Москву с претензиями на престол, он просто во вполне обыденной ситуации попытался подчеркнуть, что, несмотря на одинаковый социальный статус, он лучше своего собеседника. В этом и проявляется некая самовольная ситуационная попытка выстроить иерархию внутри группы, согласно собственным представлениям о справедливости.

Таким образом, служилые люди второй половины XVII в., несмотря на все упорные попытки власти объединить многоликое пространство Московского государства, не воспринимали общество, в котором они жили, как некую целостность. Им всегда было важнее принадлежать не к абстрактной единой реальности, а к конкретной социальной группе – семье, роду, чину, сословию, городу, которые и обеспечивали им социальную защиту, материальный достаток и личностную самореализацию.

Имея в запасе множество идентичностей, служилый человек умел успешно пользоваться преимуществами такого положения, выставляя в определенной ситуации именно ту, которая могла бы ему помочь добиться поставленных целей. Лавируя между разными социальными «шестками», он успевал переменить за всю свою жизнь несколько социальных ролей и делал это вполне осознанно, терпя поражения и достигая удачи. Пожалуй, в этом человек XVII в. так сильно похож на нас самих, что было бы опрометчиво отказывать ему в личностном самосознании.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

Список литературы

1. Буйда Ю.В. Алхимия самозванства [Электронный ресурс] // Страна и мир. 1992. № 1. С. 152–160. URL: http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/strana_i_mir_1992_1_text.pdf (дата обращения: 28.04.2015).
2. Уваров П.Ю. К читателю: о социальной идентичности средневекового человека // Социальная идентичность средневекового человека. М.: Наука, 2007. С. 5–8.
3. Уваров П.Ю. Социальные именованья парижан в эпоху Старого порядка // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2007. С. 180–192.

4. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2007. 403 с.
5. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11.
6. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 105.
7. Акты Московского государства, изданные Императорской Академии наук. Т. 2: Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659 / Под ред. Н.А. Попова [Электронный ресурс]. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1894. 819 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3031/> (дата обращения: 28.02.2015).
8. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
9. Акты Московского государства, изданные Императорской Академии наук. Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664 / Под ред. Д.Я. Самоквашова [Электронный ресурс]. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1901. 674 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3031/> (дата обращения: 28.02.2015).
10. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 626.
11. Коллманн Н.Ш. Соединенные чеством: Государство и общество в России раннего Нового времени. М.: Дрeвлехранилище, 2001. 459 с.
12. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Д. 21.
13. Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.
14. Новомбергский Н.Я. Слово и дело государевы. Т. 1: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
15. Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 295 с.

**SOCIAL SELF-IDENTIFICATION OF THE SERVICE CLASS PEOPLE IN RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY:
PRACTICES AND STRATEGIES OF SOCIAL INTERACTION**

M.T. Nakishova

We examine the problem of social self-identification of the service class people (*sluzhilye liudi*) in Russia in the early Modern time. The service class people that represented a set of different corporations varying in time and in space showed different identities in various situations. Their recognition of own identity differed depending on the influence of certain factors: territories, corporate perceptions, honor, etc. Based on the analysis of petitions of the service class people, the author identifies the main markers of self-identification and traces some regularities of their use. Particular attention is given to the practices that provided consolidation of people into groups and the methods they used to be distinguished from the mass of people and to show one's identity.

Keywords: service class people (*sluzhilye liudi*), social self-identification, identification, stratification, corporations, markers, self-awareness.

References

1. Bujda Yu.V. Alhimiya samozvanstva [Elektronnyj resurs] // Strana i mir. 1992. № 1. S. 152–160. URL: http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/strana_i_mir_1992_1_text.pdf (data obrashcheniya: 28.04.2015).
2. Uvarov P.Yu. K chitatel'yu: o social'noj identichnosti srednevekovogo cheloveka // Social'naya identichnost' srednevekovogo cheloveka. M.: Nauka, 2007. S. 5–8.
3. Uvarov P.Yu. Social'nye imenovaniya parizhan v ehposhu Starogo poryadka // Social'naya identichnost' srednevekovogo cheloveka / Otv. red. A.A. Svanidze, P.Yu. Uvarov. M.: Nauka, 2007. S. 180–192.
4. Kamenskij A.B. Povsednevnost' russkih gorodskih obyvatel'ej: Istoricheskie anekdoty iz provincial'noj zhizni XVIII veka. M.: Rossijskij gosudarstvennyj humanitarnyj universitet, 2007. 403 s.
5. RGADA. F. 6. Op. 1. D. 11.
6. RGADA. F. 7. Op. 1. D. 105.
7. Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoj Akademii nauk. T. 2: Razryadnyj prikaz. Moskovskij stol. 1635–1659 / Pod red. N.A. Popova [Elektronnyj resurs]. SPb.: Tip. Imperatorskoj akademii nauk, 1894. 819 s. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3031/> (data obrashcheniya: 28.02.2015).
8. Kivel'son V. Kartografii carstva: Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 360 s.
9. Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoj Akademii nauk. T. 3: Razryadnyj prikaz. Moskovskij stol. 1660–1664 / Pod red. D.Ya. Samokvasova [Elektronnyj resurs]. SPb.: Tip. Imperatorskoj akademii nauk, 1901. 674 s. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3031/> (data obrashcheniya: 28.02.2015).
10. RGADA. F. 214. Op. 3. D. 626.
11. Kollmann N.Sh. Soedinennye chest'yu: Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego Novogo vremeni. M.: Drevlekhранилище, 2001. 459 s.
12. RGADA. F. 210. Op. 6а. D. 21.
13. Anisimov E.V. Dyba i knut. Politicheskij syisk i russkoe obshchestvo v XVIII veke. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 720 s.
14. Novombergskij N.Ya. Slovo i delo gosudarevy. T. 1: Processy do izdaniya Ulozheniya Alekseya Mihajlovicha 1649 goda. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 608 s.
15. Lukin P.V. Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoj vlasti v Rossii XVII veka. M.: Nauka, 2000. 295 s.